

РЕДАКЦИЯ ВОЛАНДА

Влад Велирский

Влад Велирский
Редакция Воланда

«Автор»

2026

Велирский В.

Редакция Воланда / В. Велирский — «Автор», 2026

В Ладомире публикации медиахолдинга ВОЛАНД меняют не только общественное мнение. Достигнув порога внимания, заголовки превращаются в маршруты, пропуска и официальные роли. Молодая редакторка Ина Ларина узнаёт цену этой власти, когда город перестаёт признавать Марка — человека, исчезновение которого началось с её собственной подписи. Попытка исправить ошибку создаёт новую, столь же опасную версию. Чтобы вернуть Марку право на существование, Ине придётся раскрыть тайные цепочки правок, бросить вызов редакции и отказаться от соблазна назначить любимого человека героем удобной истории. «Редакция Воланда» — социально-фантастический роман о власти публичного внимания, цене точных формулировок и праве человека не помещаться ни в один окончательный выпуск.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Человек без карточки	7
Глава 2. Три подписи	12
Глава 3. Отбивка на полях	17
Глава 4. Отдел поправок	22
Глава 5. Порог внимания	28
Глава 6. Нулевая полоса	33
Глава 7. Право на героя	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Влад Велирский

Редакция Воланда

От автора

Каждый день рядом с нами выпускают версии происходящего. Одни называются новостями, другие — служебными справками, рейтингами, карточками, рекомендациями, отчётами. Они помогают огромному городу не рассыпаться на миллионы частных впечатлений. По ним открываются двери, строятся маршруты, распределяется внимание, принимаются решения. Мы привыкли думать, что такой текст лишь описывает реальность. Но иногда описание становится пропуском, а отсутствие строки — запретом. Тогда редакторская правка меняет не только смысл фразы: она меняет возможности человека, о котором эта фраза написана.

«Редакция Воланда» выросла из простого вопроса: что случится, если публичная версия получит буквальную материальную силу? Не магическую власть над мыслями и не способность переписывать прошлое, а власть более будничную и оттого опасную — заставлять учреждения, улицы и привычные процедуры вести себя так, словно назначенная роль уже доказана. Если человека называли спасителем, перед ним распахнутся служебные двери. Если называли угрозой, город начнёт обходить его стороной. Если о нём перестали говорить правильно оформленным языком, однажды турникет может решить, что такого человека нет.

Эта книга — фантастическая история, а не схема устройства реальных редакций. Ладомир, медиахолдинг ВОЛАНД, его отделы, метрики и сотрудники вымышлены. Однако нравственная задача, поставленная перед героями, вполне узнаваема. Удобная версия почти всегда быстрее сложной правды. Она помещается в заголовок, легко передаётся дальше и обещает понятный порядок: вот виновный, вот жертва, вот герой, вот правильный выход. Сложность начинается там, где живой человек отказывается совпадать с назначением — даже лестным.

В центре романа находится не спор о том, нужны ли обществу общие сведения. Без них невозможна совместная жизнь. Героям придётся иметь дело с системой, которая приносит реальную пользу: помогает службам действовать согласованно, предупреждает опасность, соединяет разрозненные районы. Поэтому простое разоблачение здесь ничего не решит. Разрушить работающий механизм легче, чем заменить его способом, который одновременно сохраняет координацию и не превращает людей в собственность издателя. Зло редко оказывается убедительным, когда существует только ради зла. Гораздо труднее возражать порядку, способному предьявить спасённые жизни и верные решения, а затем незаметно потребовать за них право на последнюю редакцию чужой судьбы.

Читайте этот роман как расследование последствий. Правила фантастического мира раскрываются не отдельной инструкцией, а через ошибки, находки и выборы персонажей. Важна не только исходная публикация, но и каждая попытка её исправить. В Ладомире опровержение не стирает нанесённый вред: оно создаёт ещё одну версию, которая начинает бороться с прежней. Эта особенность задаёт главный ритм истории. Чем настойчивее герои ищут одну безупречную формулировку, тем яснее становится, что точность текста сама по себе не даёт права распоряжаться тем, кого текст касается.

Обращайте внимание на подписи, доступы и цепочки правок. В обычной жизни такие детали кажутся техническими, в романе они становятся формой ответственности. Кто предложил заголовок? Кто измерил внимание? Кто подтвердил выпуск? Кто получил преимущество от исправления? И главное — спросили ли человека, которому предстоит жить внутри опубликованной роли? Вопрос согласия проходит через сюжет не как отвлечённый принцип, а как практическое ограничение для тех, кто уверен, что действует ради чужого спасения.

Любовная линия подчиняется тому же правилу. Близость не превращает другого человека в награду, доказательство правоты или обязательную часть счастливого финала. Можно помнить человека точнее всех и всё же ошибаться, когда говоришь за него. Можно рискнуть ради него и не получить права выбирать его будущее. Поэтому отношения героев лучше читать не как обещание неизбежного соединения, а как проверку способности оставить другому пространство, которое не заполнено даже самым искренним рассказом.

У названия есть внутренний смысл, который роман откроет постепенно. ВОЛАНД здесь — имя медиахолдинга, часть городской инфраструктуры и профессионального языка его сотрудников. За ним не стоит сверхъестественный судья, тайная свита или готовая мораль. Источник необычного заключён в резонансных публикациях, общественном ожидании и институтах, которые научились принимать популярную версию за основание для действия. Это самостоятельный мир со своими ограничениями, ценой и историей ошибок.

В тексте встречаются разные регистры: редакционные разговоры, сухие служебные формулировки, публичные выступления, личная речь. Их столкновение намеренно. Один и тот же поступок меняется, когда попадает в отчёт, эфир или чужое воспоминание. Но ни один регистр не объявлен единственно честным. Личная версия тоже способна присвоить человека, а официальный документ иногда удерживает важную границу лучше горячего признания. Задача читателя не выбрать самый красивый голос, а увидеть, кто и какую цену платит за его убедительность.

В этой истории нет требования соглашаться с героями. Ина делает точность своей профессией, но ей предстоит обнаружить предел профессиональной уверенности. Марк защищает право не быть превращённым в удобный образ, однако его молчание тоже влияет на других. Руководители редакции не лишены доводов, а сотрудники, которые помогают системе работать, не делятся заранее на виновных и невиновных. Решения здесь оцениваются по последствиям: что они открывают, кого исключают и можно ли их отозвать без новой жертвы.

Мне хотелось написать роман о правке как о поступке. Не о безошибочном слове, которое наконец расставит всё по местам, а о видимой цепочке решений, где власть нельзя спрятать за безличным «так получилось». Возможно, честный текст отличается от властного не тем, что никогда не ошибается. Возможно, его отличие в способности показать происхождение ошибки, выслушать затронутого человека и отказаться от преимущества, которое мешает исправлению стать настоящим.

Остальное лучше узнать вместе с героями — с той минуты, когда в привычной редакции обнаружится человек, которого не узнаёт ни одна служебная карточка.

Глава 1. Человек без карточки

В шесть сорок две утра город ещё не решил, будет ли считать протечку на Краевой аварией.

На экране Ины две версии спорили из-за одного существительного. Муниципальная служба прислала «локальное повреждение водопровода». Корреспондент ВОЛАНДА написал «провал», а ночной выпускающий усилил до «катастрофы», потому что фотография с автобусом по ступицы в бурой воде хорошо смотрелась на первой полосе районной ленты.

Ина увеличила снимок. Автобус стоял не на проезжей части, а в мойке депо. Вода под ним блестела слишком ровно. На заднем плане рабочий держал шланг.

Она заменила фотографию, вычеркнула катастрофу и открыла карту последствий. Над Краевой пульсировали три жёлтых контура: объезд, повышенная готовность двух бригад, временное закрытие подземного перехода. Красный контур должен был возникнуть, если материал удержит порог внимания девять минут. Тогда диспетчерская получила бы право снимать транспорт с соседних маршрутов, а двери домов на нижней стороне улицы начали бы пропускать только жильцов и спасателей.

До порога оставалось две минуты двадцать секунд.

— Не «локальное», — сказала Ина пустому ночному отделу. — Локальное у вас всё, что не течёт в кабинет.

Она написала: «На Краевой повреждена труба, движение по одной полосе». Проверила адрес, время заявки, номер бригады. В поле роли убрала «пострадавшие», оставила «жители». Система подсветила правку сиреневым и потребовала основание.

Ина приложила кадр с городской камеры. Секундомер остановился на сорока трёх секундах.

Жёлтые контуры дрогнули. Один погас, два побледнели. На карте автобусной сети маршрут вернулся на Краевую, словно тонкая синяя жилка наполнилась кровью.

Вот за это Ина любила отдел поправок: за момент, когда неточная фраза переставала командовать тем, чего автор не проверил. На панели появилась зелёная строка: «Последствия скорректированы», а под ней привычная жёлтая: «Преимущество удержано издателем».

Ина сохранила правку и потянулась за кружкой. В отражении монитора за её спиной кто-то стоял.

Она обернулась так резко, что провод наушников сбросил со стола пачку стикеров.

Мужчина у двери поднял ладони. На нём была тёмная куртка с мокрыми плечами, хотя дождя в Ладомире не было с прошлой недели. Волосы прилипли ко лбу. Лицо казалось знакомым не как лицо случайного коллеги, а как лестница в доме детства: прежде чем успеваешь рассмотреть, тело уже знает следующую ступень.

— Не кричи, — сказал он.

Ина не закричала. Она встала и нащупала под столом тревожную кнопку.

— Вы кто?

Мужчина посмотрел на её руку, скрытую столешницей.

— Если нажмёшь, они придут. Только не ко мне.

— Это угроза?

— Наблюдение.

Голос тоже был знаком, но воспоминание не прикреплялось ни к месту, ни ко времени. Имя возникло само:

— Марк?

Он закрыл глаза. Не с облегчением — будто услышал результат анализа, на который уже не надеялся.

— Значит, ты ещё можешь.

В памяти открылся беспорядочный коридор: Марк держит её велосипед, сообщение «добрался» без точки, ссора на лестнице. Всё это было и не имело даты.

Она схватила служебный планшет и навела камеру на его лицо.

Рамка поиска сузилась, мигнула и исчезла.

«Объект не обнаружен».

— Не двигайся.

— Я не двигаюсь.

Она повторила сканирование. Камера видела дверь, стену, тёмное пятно от его мокрой куртки на ковролине. Контуры человека не выделялись.

Ина переключилась на ручной режим и сделала снимок. В галерее появился пустой проход. На ковролине темнели два следа, над ними воздух был размазан, словно кто-то провёл по ещё сырому изображению пальцем.

— Ты настоящий? — спросила она и сразу возненавидела вопрос.

Марк шагнул к столу. Тревожная кнопка была совсем рядом, но Ина не нажала. Он взял из пачки стикер, написал карандашом «Ты оставила мне ключ у Сенной» и положил перед ней.

Почерк она узнала раньше фразы. И ключ помнила: маленький, с синей ниткой, в щели за трубой старого дома, снесённого зимой.

— Где ты был?

— Здесь. Потом нигде, куда можно войти по карточке.

— Что это значит?

Вместо ответа он вытащил из кармана пропуск. Серый пластик был исцарапан, фотография стёрта до белого прямоугольника. В строке имени читалось только «М». Поднёс карточку к считывателю у стеклянной двери.

Считыватель не покраснел. Он остался тёмным, как будто к нему приложили кусок картона.

— Пропуск аннулирован, — сказала Ина.

— Аннулированный даёт красный сигнал. Мой не даёт никакого.

Это было верно. Даже гостевой пластик оставлял попытку в журнале. Она открыла локальный контроль доступа и отфильтровала последние события. Её вход в 05:58, уборщица в 06:11, доставка картриджей в 06:26. После — ничего.

— Как ты вошёл в здание?

— За курьером. Турникет закрылся сквозь меня.

— Сквозь тебя ничего не закрывается.

Марк поднял рукав. На запястье наливался поперечный багровый след.

— Закрывается. Просто не считает препятствием.

Ина обошла стол. Он пах холодным металлом, пылью и чужим мылом. На щеке была свежая царапина. Человек не мог так убедительно отсутствовать.

В коридоре за стеклом показался Богдан из утренней верстки. Он шёл к отделу, читая что-то в телефоне, и должен был увидеть Марка: тот стоял прямо перед дверью.

— Доброе, — сказал Богдан, приложил карточку и вошёл.

Дверь качнулась на петлях. Марк отступил, пропуская его. Богдан прошёл между ними, поставил на край стола Ины бумажный стаканчик.

— Ты снова спасла Краевую от конца света? Там в чате уже ругаются, что автобусы вернули.

Он говорил, глядя на Ину. Локтем почти касался мокрого рукава Марка.

— Богдан, — сказала она. — Сколько человек сейчас в комнате?

— С утра? Один слишком бодрый и одна безнадежная.

— Я серьёзно.

Богдан оглянулся. Его взгляд прошёл по Марку и остановился на упавших стикерах.

— Ты и я. Если мышей не учитывать.

— Возьми его за руку, — попросила Ина.

— Кого?

— Просто протяни руку вперёд.

— Ларина, я кофе принёс, а не согласие на эксперимент.

Она сама подтолкнула ладонь Богдана. Марк не отстранился. Пальцы верстальщика упёрлись ему в грудь. Богдан вздрогнул и отдёргнул руку.

— Что там?

— Ты скажи.

Он снова осторожно коснулся пространства. На лице появилось недоумение человека, который нащупал стекло в знакомом дверном проёме.

— Перегородку поставили?

— Нет.

— Тогда стол передвинули. Не знаю. Слушай, у меня выпуск через двадцать минут.

Богдан обошёл Марка боком, хотя продолжал его не видеть, забрал из принтера полосы и вышел. У двери потёр ладонь о джинсы.

Ина дождалась, пока его шаги стихнут.

— Он почувствовал тебя.

— Как помеху. Это лучше, чем вчера.

— Что было вчера?

— Водитель закрыл дверь, когда я стоял на ступеньке. Потом контролёр оштрафовал женщину рядом. Система решила, что лишний вес — её багаж.

Ина вернулась к панели доступа. Ввела имя: Марк. Система предложила тысячи людей. Она добавила фамилию — и остановилась.

Фамилия не приходила.

Она знала, как он хмурится, как откладывает корочки пиццы, как не отвечает на сообщения, если формулировка кажется ему нечестной. Знала шрам у большого пальца. Не знала фамилии.

— Скажи полностью.

— Марк Савин.

Поиск не нашёл ни сотрудника, ни гостя, ни героя публикации. Городской индекс тоже дал ноль совпадений. Зато на имя Ины сразу открылось всё: работа, штрафы, учёба, запись к стоматологу.

Рядом Марк Савин дышал, и город не соглашался с его присутствием.

— Когда это началось?

— Постепенно. Сначала исчез профиль. Потом банковское приложение попросило подтвердить личность и не приняло лицо. На работе решили, что моё место свободно. Соседка вызвала полицию, когда я открыл свою квартиру.

— Полиция тебя увидела?

— Увидела чужого мужчину без документов. Пока оформляли, я стал «неустановленным препятствием у входа». Потом протокол закрылся сам. Им пришлось выпустить меня, потому что задержанного не оказалось.

— Почему пришёл ко мне?

— Потому что ты работаешь в поправках.

— Только поэтому?

Марк посмотрел на стикер между ними.

— Потому что три дня назад ты прошла мимо меня у Сенной. Я позвал. Ты остановилась, но решила, что показалось. Вчера ты обернулась. Сегодня назвала имя.

Ина увидела станцию: вечерняя толпа, пустой участок стены возле автомата, внезапное ощущение, что её кто-то ждёт. Она действительно обернулась. Увидела только рекламу городского приложения с улыбающейся семьёй и слоганом «Ладомир узнаёт своих».

— Почему я помню?

— Не знаю.

На её экране всплыло уведомление: «Неучтённая физическая нагрузка в секторе П-4». Служба здания заметила лишний вес пола, хотя камеры не заметили человека. Следом появилось предложение создать заявку на диагностику мебели.

Марк кивнул на уведомление.

— Скоро придут.

— Техники.

— Сначала техники. Они найдут давление на плиту и не найдут причину. Потом вызовут метролога. Вчера в торговом центре вокруг меня перекрыли этаж как зону неправильного распределения покупателей.

Ина закрыла уведомление, но оно возникло снова. Теперь рядом мигал таймер эскалации: четыре минуты.

Нормальная процедура требовала вызвать безопасность, собрать основания и выпустить поправку. Но автобус в мойке едва не стал катастрофой из-за удачного кадра, а здесь система видела только лишнее давление на пол.

— У тебя осталось что-нибудь? — спросила она. — Документ, письмо, вещь с именем?

Марк открыл телефон. Контакты и галерея были пусты. В переписке с Иной сохранились только её сообщения, будто несколько лет она разговаривала сама с собой.

Последнее было отправлено семь месяцев назад: «Я не подпишу это, пока ты не прочитаешь».

Ина почувствовала, как холодеют пальцы.

— Что я не подпишу?

— Ты подписала.

Таймер показывал две минуты семнадцать секунд.

— Что?

— Материал обо мне.

В коридоре загорелась синяя лампа служебного вызова. Лифт на техническом этаже пришёл в движение.

Ина открыла журнал ночных аномалий и пометила нагрузку как известное смещение шкафа. Система потребовала снимок. Она навела камеру на стеллаж с архивными коробками, сделала кадр и прикрепила его. Это была ложь — маленькая, технически аккуратная, достаточная для отмены автоматического вызова.

Лифт замер между этажами. Синяя лампа погасла.

Марк следил за ней.

— Ты быстро.

— Я исправляю быстро. Это другое.

— Конечно.

Его спокойствие задело сильнее упрёка.

— Если материал наш, у него есть карточка, — сказала Ина. — Источник, журнал подписей, карта последствий. Я найду.

— И выпустишь, что Марк Савин существует?

Она уже представляла формулировку: «В связи с технической ошибкой восстановить идентификационные признаки». Видела поля подтверждения, необходимые три подписи и зелёную строку результата. Казалось, достаточно вернуть имя в систему — и перед ней снова будет человек, которого видят Богдан, камера, полиция.

— А что ещё?

— Не знаю. Но сначала узнай, кем вы меня выпустили. Иначе вернёшь не меня.

В отделе включился общий свет. Через восемь минут комната наполнится людьми, которые не увидят Марка, но начнут спотыкаться о него.

Ина посмотрела на стеклянные стены. Спрятаться здесь было негде.

За серверной оставался старый бумажный архив. Карточка Ины открывала его, а камера не работала с весны.

— Пойдём, — сказала она.

— Куда?

— Туда, где у вещей ещё нет карточек.

Она вышла первой. Марк двигался следом, ступая точно в её шаг, чтобы датчики пола приняли их за одного человека. У лифтов уже спорили двое корреспондентов. Ина поздоровалась громче обычного, заставляя их смотреть ей в лицо, а не на странно колеблющийся рядом воздух.

Архивный коридор встретил их запахом бумаги и тёплой пыли. Ина приложила пропуск. Зелёный огонёк подтвердил только её.

Дверь открылась.

— До конца смены не выходи, — сказала она. — Никому не отвечай. Ничего не трогай без необходимости.

Марк остановился на пороге.

— Ты всё ещё думаешь, что это ошибка.

— Ошибки оставляют след.

— А подписи?

Ина хотела сказать, что подпись и есть след, самый честный из возможных. Но перед глазами стояло её собственное сообщение: «Я не подпишу это». Семь месяцев пустоты после него.

— Подписи тоже, — ответила она.

Марк вошёл в архив. Среди коробок его фигура стала отчётливее, будто бумага, не подключённая к городскому индексу, не имела причин с ним спорить.

Ина закрыла дверь и впервые за утро сделала правку, последствия которой не отобразились ни на одной карте.

Глава 2. Три подписи

В бумажном архиве не было часов. Это выяснилось через семь минут после того, как Ина заперла Марка между коробками: она трижды посмотрела на светлый прямоугольник над дверью и трижды увидела только инструкцию по эвакуации.

Телефон показывал 07:12. До планёрки оставалось восемнадцать минут.

Ина поставила на стол архивариуса кружку Богдана и раскрыла служебный планшет. Марк сидел напротив, на стопке перевязанных газет, и портил грамматику обычного утра одним своим присутствием.

— Фамилия, дата, место, — сказала Ина.

— Ты уже спрашивала фамилию.

— Для поиска выпуска. Полностью.

— Савин Марк Андреевич. Двадцать восемь лет. Жил на Сенной. Работал в муниципальном центре доступной среды до двадцать третьего января.

Адресный индекс нашёл дом и ни одного жильца. Поиск по центру — десятки публикаций и ни одного Савина.

— Материал мог быть не о тебе.

— Он был о программе, которую я проверял.

— Какой программе?

Марк потёр багровый след на запястье.

— «Равный маршрут». Город собирался объединить транспортные льготы, пропуска в учреждения и помощь на улицах в один профиль. Мне предложили интервью как сотруднику и пользователю системы.

— Пользователю?

— После аварии у меня плохо работала левая нога. К интервью почти восстановилась, но для красивой истории это было неудобно.

Поиск по названию программы выдал шестьдесят две карточки. Большинство рассказывали о новых пандусах и едином приложении. В день запуска вышел большой материал: «Ладомир открывает равный маршрут». На обложке женщина с тростью входила в низкопольный автобус. Марка в тексте не было.

Ина открыла версии.

У каждой публикации ВОЛАНДА была лицевая карточка и тень — журнал действий до и после выпуска. Тень видели выпускающие и отдел поправок. Стажёры туда не допускались.

Планшет сообщил: «Журнал перемещён в холодное хранение».

— Семь месяцев — не срок для холодного хранения, — сказала Ина.

— Что это значит?

— Что кто-то не хотел видеть материал в обычном поиске.

Она подключилась к старому терминалу, который ещё помнил прежние каталоги.

Ина ввела номер карточки. Экран мигнул и показал путь: выпуск, приложение, резерв, нулевая полоса.

Нулевой полосой верстальщики называли лист, который никогда не уходил читателю. В учебных материалах ВОЛАНДА такого раздела не существовало.

— Ты помнишь заголовок? — спросила она.

— Сначала был «Человек, которому город мешает жить».

— Ужасно.

— Я сказал то же самое. Потом они заменили «мешает» на «не замечает».

Ина посмотрела на него.

— «Человек, которого город не замечает»?

— Да.

Она ввела фразу в поиск удалённых строк. Терминал захрустел диском. Под столом щёлкнуло реле, в коридоре зажглась лампа. Потом на экране возникла одна запись без превью.

«Заголовок снят. Причина: превышение роли над фактом».

— Правильная причина, — сказала Ина.

— Но сняли только заголовок.

— Сейчас увидим.

При попытке открыть запись терминал запросил три подтверждения. Первое — выпускающий редактор. Второе — метролог внимания. Третье — представитель затронутой стороны.

Так подтверждали пороговые выпуски, способные изменить городской маршрут, режим учреждения или массовое поведение. Третью подпись обычно ставил представитель затронутого ведомства.

— Ты что-нибудь подписывал? — спросила она.

— Согласие на интервью. В первом варианте там было право снять мои слова до публикации.

— В первом?

— Мне прислали второй. Без этого пункта. Я отказался.

На экране под строкой «представитель затронутой стороны» стоял код, а не имя: РМ-17.

— Это не твоя подпись?

— Я не знаю, как выглядит моя подпись для вашей машины.

Ина надела курсор на код. Терминал сообщил: «Подтверждено через действующий контур согласия». Дата была на два дня позже его отказа.

— Здесь написано, что согласие было.

— Значит, здесь врут.

— Машина принимает то, что ей дали.

Ина промолчала. В обычный день она сама произнесла бы эту фразу и гордилась точностью.

Две верхние подписи были скрыты инициалами: Л.К. и И.Л. Рядом с каждой стоял уровень полномочий. У Л.К. — исполнительный выпуск. У И.Л. — стажёрская сверка первичных признаков.

Ина перечитала вторую строку. Потом ещё раз, будто буквы могли переставиться из уважения к её памяти.

— Что? — спросил Марк.

Она коснулась подписи. Терминал раскрыл служебное имя полностью.

«Ларина Ина Сергеевна».

Вернулись замёрзшие пальцы, стакан растворимого кофе, заедающая клавиша. Возник голос в наушнике: «Ты проверяешь не смысл, Ларина, только наличие первичного контакта».

Не возникло главное — момент, когда она согласилась.

Марк встал.

— Покажи.

Ина повернула экран не сразу.

— Это моя сверка. Не выпускная подпись.

— Там три подписи?

— Да.

— Твоя одна из них?

— Да, но стажёр не мог утвердить порог. Я могла только подтвердить, что интервью существовало.

— Которое я запретил публиковать.

— Существование разговора и согласие на публикацию — разные вещи.

— Для меня, похоже, уже нет.

Он обошёл стол. Камера над терминалом продолжала видеть пустой стул.

— Я написала тебе: «Не подпишу, пока не прочитаешь». Значит, я остановила выпуск.

— А потом подписала.

— Я не помню.

— Я тоже многое не могу доказать. Это не делает случившееся удобнее.

Ина открыла историю своей учётной записи. В день подписи она вошла в систему в 22:43 со стажёрского терминала на шестом этаже. В 22:51 подтвердила первичный контакт. В 22:54 учётная запись вышла. Всё выглядело чисто.

— В тот вечер я была здесь, — сказала она.

— Мы поссорились у служебного входа.

Воспоминание пришло звуком: сухой треск турникета и Марково «ты уже решила, что я имел в виду». Ина увидела себя по другую сторону стекла. Она торопилась вернуться наверх, потому что наставник ждал сверку. Марк держал распечатку с вычеркнутым абзацем.

— Ты принёс правки.

— Я принёс отказ.

— В системе его нет.

— Во мне есть.

Рута напомнила о планёрке: «Ларина, где поправка по Краевой?» До неё оставалось пять минут.

Ина записала номер журнала на бумажном стикере. Оставался полный экспорт.

Она вставила в терминал чистый архивный накопитель.

— Что ты делаешь? — спросил Марк.

— Копирую журнал.

— Чтобы исправить?

— Чтобы сначала понять, что именно мы подписали.

— Мы?

Ина встретила его взгляд.

— Я подписала. Ты за это заплатил. Можешь не давать мне удобного местоимения.

Он отвернулся к стеллажам. На корешках папок были годы, темы и красные сроки хранения. Никаких судеб о человеке — только номера дел. Ина выбрала полный экспорт: исходные версии, цепочка правок, пороговый расчёт, приложения согласия.

Она отметила основание «проверка вреда» и приложила номер утренней аномалии. Это было почти правдой — худшим сырьём для отдела поправок.

Полоса копирования дошла до двенадцати процентов.

В архив постучали.

— Ина? — позвал Богдан. — Ты там?

Марк замер.

Ина погасила экран планшета, но старый терминал продолжал гудеть. Копирование — двадцать один процент.

— Ищу подшивку по Краевой, — ответила она.

— Рута сказала, материал цифровой.

— Это просьба занять мне минуту на планёрке.

— Уже занял три. Дальше она будет вычитывать их из моей жизни.

Шаги удалились. Марк выдохнул.

Копирование остановилось на сорока процентах. На экране всплыло новое окно: «Подтвердите присутствие затронутой стороны».

— Вот, — сказала Ина. — Без тебя полный журнал не отдаёт.

— Но он меня не видит.

— Он видит код РМ-17.

Терминал предложил три способа: служебная карточка, биометрия, голосовое согласие. Карточки у Марка не было. Камера считала кресло пустым. Ина выбрала голос.

На экране появилась фраза: «Я подтверждаю ознакомление с материалом и отсутствие возражений против служебной обработки».

— Не читай, — сказала она.

— Почему?

— Здесь склеены две разные вещи. Ознакомление и отсутствие возражений. Если произнесёшь, система получит новое согласие.

— Может, так она меня увидит.

— Как кого? Как человека, который не возражает против собственного стирания?

Марк наклонился к микрофону.

— Я, Марк Савин, требую показать мне материал и возражаю против любой обработки без моего отдельного согласия.

Слова появились в поле распознавания, но имя заменилось прочерком. Терминал подумал и выдал: «Форма не соблюдена».

— Зато голос записан, — сказала Ина.

— Кем?

— Свидетелем без имени.

Она выбрала ручное продолжение. Система потребовала подпись редактора, берущего ответственность за отсутствие формы. Ина приложила карточку.

Копирование возобновилось.

На шестидесяти восьми процентах погас свет.

Аварийные полосы у пола вспыхнули красным. Замок двери щёлкнул и заблокировался. Из динамика под потолком раздался вежливый женский голос:

— Обнаружено несанкционированное извлечение порогового журнала. Сохраняйте спокойствие. Служебная группа направлена в сектор.

Ина выдернула накопитель. Терминал не отпустил его: пластиковый корпус остался зажат в гнезде.

— Ты сказала, что можешь копировать, — произнёс Марк.

— Я могу. Тревога считает иначе.

— Очень удобное различие.

На панели двери загорелся обратный отсчёт: две минуты до прибытия группы.

Причина тревоги была выделена красным: «Попытка извлечения отозванной причинности».

— Что это?

Она открыла состав копии. Исходные версии были выгружены. Пороговый расчёт — тоже. Процент остановился на приложениях. Среди них значился удалённый заголовок, тот самый, который назвал Марк. Только файл занимал не несколько строк, а двести восемь мегабайт.

— Заголовок, — сказала Ина. — Они хранят его как отдельный объект.

Из глубины стеллажей донёсся шелест.

Кто-то быстро перебирал листы, словно искал своё имя в бесконечной подшивке.

Марк повернулся к проходу между шкафами.

— Там есть ещё кто-то.

— Камера никого не показывает.

— Меня она тоже не показывает.

Отсчёт на двери дошёл до минуты двадцати секунд. Ина потянула накопитель снова. Терминал пискнул, на коже осталась красная полоса, но корпус не вышел.

— Оставь, — сказал Марк. — Скажешь, что ошиблась номером.

— Тогда они закроют журнал. И тебя вместе с ним.

— А если откроют дверь и найдут тебя рядом с пустым архивом?

— Найдут сотрудницу, которая нарушила порядок копирования. Это пока ещё существует.

Шелест приблизился. На пол из бокового прохода выползла узкая бумажная лента. На ней повторялись слова снятого заголовка, но каждая следующая строка была короче предыдущей:

«Человек, которого город не замечает».

«Человек, которого город».

«Человек, которого».

«Человек».

Последнее слово остановилось у ботинка Ины.

Терминал мигнул. Копирование перескочило с шестидесяти восьми на сто процентов, будто недостающий файл сам вышел из машины. Накопитель освободился.

Ина сунула его во внутренний карман и закрыла пустое гнездо крышкой.

— За шкаф, — сказала она Марку.

— Они меня не увидят.

— Они увидят последствия. Этого им достаточно.

Он ушёл в боковой проход. Бумажная лента приподнялась и потянулась за ним, но на полпути замерла. Слово «Человек» повернулось к Ине, хотя у полоски не было ни лица, ни передней стороны.

Замок разблокировался. Дверь открылась, и красный свет из коридора разрезал архив надвое.

На пороге стояли Рута и двое сотрудников внутреннего контроля. Рута была без пиджака, с планшетом под мышкой и выражением человека, которому испортили не утро, а хорошо выстроенную причинность.

— Ларина, — сказала она. — Отойдите от терминала.

За её спиной бумага снова зашелестела.

Один сотрудник контроля посмотрел на экран, другой — на стеллажи.

Рута вошла и увидела открытую карточку выпуска. Её взгляд задержался на трёх подписях. На инициалах Л.К. — без удивления. На коде РМ-17 — с досадой. На имени Ины — дольше всего.

— Вы скопировали журнал? — спросила она.

Ина почувствовала накопитель у груди. Теперь красные полосы света признавали его существование без всякого порога внимания.

— Я начала проверку вреда, — ответила она.

— Я спросила не об этом.

В проходе между шкафами Марк молчал. Бумажная лента коснулась его ботинка и свернулась вокруг подошвы, как след, который сам выбрал свидетеля.

Ина могла отдать накопитель и сохранить работу. Ложь продержалась бы до первого обыска.

Она посмотрела на Руту.

— Да. Скопировала.

В ту же секунду служебный планшет Руты издал короткий сигнал. На экране Ины её допуск к холодному хранению сменился с зелёного на серый.

Тревога перестала быть предупреждением. Она стала последствием.

Глава 3. Отбивка на полях

Сотрудник внутреннего контроля протянул Ине прозрачный пакет.

— Карточку, телефон, любые накопители.

У него было лицо человека, который умел превращать множественное число в признание. Второй сотрудник уже снимал показания со старого терминала. Рута стояла у двери и смотрела не на Ину, а на красные строки журнала.

Марк молчал между стеллажами. Бумажная лента обвилась вокруг его подошвы и тоже молчала.

Ина вынула служебную карточку. Потом телефон. Положила их в пакет так, чтобы ладонь закрыла внутренний карман пиджака.

— Накопитель, Ларина.

— Он архивный. Его зарегистрировал терминал.

Ина достала тёплый накопитель. На боку мигал служебный номер.

Она положила его поверх телефона.

Бумажная лента резко дёрнулась. Последнее слово — «Человек» — оторвалось от пола, сложилось пополам и исчезло в щели между коробками.

Контролёр запечатал пакет.

— Пройдёмте в комнату разбора.

Рута закрыла пороговый журнал своей карточкой. Из глубины архива донёсся сухой треск, будто кто-то переломил линейку.

Марк отступил за соседний шкаф. За ним потянулась новая полоска бумаги.

У порога бумага коснулась каблука Ины. На краю проступила типографская отбивка и сдвинулась сама.

В комнате разбора считыватель показал, что на накопителе не хватает двухсот восьми мегабайт. Ина повторила: терминал завершил экспорт. Обыск второго носителя не нашёл.

Контроль приостановил её доступы, опечатал рабочее место и запретил покидать здание. Рута потребовала десять минут на объяснительную: тревога уже ушла в служебную ленту и могла назначить Ине роль раньше фактов. Проверяющие неохотно согласились.

В коридоре Рута шла быстро. Дверь архива уже опечатали; Марк не вышел. У лестницы Ина спросила про код РМ-17 и свою подпись.

— Я знала, что стажёрские сверки подтверждают первичный контакт. Не знала, что их включали в тройной порог. Сохраните разницу между этими фразами и не обсуждайте её под камерами.

В кабинете Руты редакционная лента показывала машинный заголовок: «Младший редактор пыталась похитить причинность порогового материала».

Рута выключила экран.

— Накопитель у контроля, — сказала Ина.

— Не весь.

За матовым стеклом кабинета прошла тень. Камера в коридоре не повернулась.

Ина подошла к двери.

— Стойте, — сказала Рута.

Тень остановилась тоже.

Рута подала Ине блокнот.

— Пишите: доступ получила в связи с проверкой вреда. Копирование начала из-за риска изменения приложений. Существование второго носителя отрицаю.

— А Марк?

— Не пишите имя человека, которого система не признаёт. Для внутреннего контроля это прозвучит как подготовка защиты через вымышленного свидетеля.

Ина взяла ручку, но не села.

— Тихое опровержение уже готово?

Рута подняла глаза.

— Откуда вы знаете?

— Потому что вы закрываете ошибки так же быстро, как другие открывают новости.

— Черновик. Он вернёт карточку Савина в городской индекс и объяснит сбой несовместимостью реестров.

— Без его согласия.

— С его согласием система уже справилась. Пока вы не докажете подделку, журнал считается фактом. Для доказательства нужен исходник, которого нет на накопителе.

Снаружи снова прошла тень. Теперь по матовому стеклу протянулась чёрная линия. Она остановилась напротив Ины и трижды постучала по стеклу, хотя звук был бумажным шорохом.

Рута медленно повернула голову.

— У вас девять минут, — сказала она. — Я проверю, почему внутренняя лента получила заголовок до протокола. Когда вернусь, объяснительная должна лежать на столе, а в кабинете не должно быть никого, кого мне придётся учитывать.

Она вышла через вторую дверь, ведущую к секретарю, и закрыла её на ключ.

Первая дверь приоткрылась.

Марк вошёл боком, словно ожидал, что косяк тоже его не признает. За ним по полу скользнула бумажная лента. У стола она поднялась, прислонилась к ножке и начала складываться гармошкой.

— Ты цел? — спросила Ина.

— Контролёр прошёл сквозь мой рукав и пожаловался на холод. В остальном прекрасно.

— Тебе надо выйти из здания.

— Турникет не замечает меня, помнишь?

— После тревоги будут смотреть на последствия. Ты сам это видел.

— А это что?

Бумага уже достигла столешницы. Гармошка расправила две узкие складки, похожие на руки, и вытянула вверх длинный угол. На нём проступали обрывки снятого заголовка: «кого-рого», «город», «не».

— Отбивка, — сказала Ина.

Слово пришло из учебного курса, где ему отводилось две строки: остаточный дефект удалённой формулировки, не влияющий на выпуск. На рисунке отбивка выглядела как смазанная полоса у края страницы.

Существо на столе было высотой с бутылку воды. Вместо лица у него находился прямоугольник пустой бумаги. Оно сняло с себя слово «город», свернуло в трубочку и приложило к пустоте, будто подзорную трубу.

— У дефектов теперь есть чувство юмора? — спросил Марк.

Отбивка повернулась к нему и зачеркнула слово «дефект» на лежавшем рядом бланке.

Потом написала под ним: «Кром».

Чернила выступили из самой бумаги.

— Это имя? — спросила Ина.

Складчатая голова наклонилась.

— Ты был заголовком про Марка?

Кром развернул грудь. На ней проступила полная строка: «Человек, которого город не замечает». Затем слова рассыпались, и внутри бумажного тела показались десятки более мелких фраз: варианты подводок, вычеркнутые причины, редакторские пометы. Ина успела про-

читать: «отказался от формата», «не подтверждает добровольность», «маршрут изменён после интервью».

— Исходник у тебя, — сказала она.

Кром прижал бумажные руки к себе.

— Он не отдал его накопителю, — понял Марк. — Вышел вместо файла.

Ина придвинула чистый лист.

— Ты можешь показать цепочку правок?

Кром ступил на лист и оставил след из маленьких типографских знаков. Они сложились в схему этажа. От кабинета Руты тянулась линия вниз, под архив, к прямоугольнику без номера.

— Нулевая полоса, — сказала Ина.

Кром зачеркнул её слова и написал: «исходник».

— Это одно место?

Он кивнул.

— Ты проведёшь нас?

Кром раскрыл одну руку. На ней появилось: «свидетель».

Вторую: «сохранить».

— Сохранить свидетельство Марка?

Кром сложил руки крестом. Потом указал на себя.

Ина вспомнила учебную формулировку: остаточный дефект, не влияющий на выпуск. Если внутренний контроль найдёт отбивку, её спишут как повреждённый носитель. Переработка защищённых бумаг шла каждую ночь.

— Ты хочешь, чтобы я сохранила твоё свидетельство.

Кром распрямился. На его пустом лице появилась одна точка.

Кром раскрыл тело. Внутри мелькнули вычеркнутые причинности: Марк отказался — согласие осталось; недоступный маршрут объявили доступным; стажёр подтвердила разговор — редакция получила подпись стороны. Потом он захлопнулся и написал: «не копия».

— Тогда что значит сохранить? — спросила она.

Он шагнул на объяснительную внутреннему контролю и поставил чёрную черту на полях. Под ней возникла строка: «Я видел, какую причину удалили».

— Тебя нужно признать свидетелем, — сказала Ина. — Не приложением.

Кром поклонился. Бумажная фигура стала тоньше: одна из складок осыпалась серой пылью на стол.

Марк протянул руку, но не коснулся его.

— Что с ним?

— Удалённая причинность распадается без свидетеля.

На груди Крома возникло: «предлагаю обмен».

Ина посмотрела на объяснительную. Если она внесёт Крома в служебный документ, контроль получит основание обыскать кабинет и уничтожить его как дефект. Если не внесёт, обещание останется частным и ничего не изменит в его статусе.

За дверью секретаря послышался голос Руты. Оставалось меньше минуты.

— Я могу сохранить тебя в журнале поправок, — сказала Ина. — Как затронутую сторону удалённого материала.

Кром качнулся вперёд.

— Но у меня нет доступа.

Бумажная рука указала на выключенную стенную ленту.

— Служебная тревога уже открыла карточку, — поняла Ина.

Она включила экран. В правом нижнем углу мигала форма дополнения: «Укажите материальный ущерб». Доступ к выпуску у Ины отозвали, но затронутый сотрудник сохранял право приложить объяснение к собственной проверке.

— Если я внесу его, назад дороги не будет, — сказала она Марку. — Они увидят, что удалённые строки существуют отдельно.

— А если не внесёшь, он исчезнет и мы потеряем исходник.

— Я спрашиваю не о выгоде.

Марк посмотрел на Крома.

— Ты поведёшь нас к исходнику, если она признает твоё свидетельство?

На бумажном лице появилась вторая точка, затем короткая черта. Впервые выражение Крома можно было принять за человеческое, и именно поэтому оно пугало.

Он написал: «если сохранит».

Ина открыла дополнение и выбрала тип ущерба «иной».

«В результате извлечения проявился самостоятельный носитель удалённой причинности, называющий себя Кромом. Он утверждает, что видел удаление причинной связи в материале РМ-17 и готов указать местонахождение исходника. Прошу сохранить носитель без изменений и зарегистрировать его как свидетеля, а не дефект».

Система подчеркнула слова «самостоятельный» и «свидетель». Предупреждение сообщило: «Категория не предусмотрена. Выберите существующий объект».

Ина нажала «оставить без категории».

— Подпись сделает тебя ответственной, — сказал Марк.

— В прошлый раз я не понимала за что. Теперь это мой выбор.

Она приложила палец к экрану. Служебной карточки не было, поэтому система запросила голос.

— Я, Ина Ларина, сохраняю свидетельство Крома без присвоения ему роли и принимаю ответственность за точность записи.

Форма мигнула. Сначала возникло «отклонено: объект не существует». Кром осел ещё на одну складку.

Затем служебная лента в коридоре получила новый заголовок. За дверью кто-то прочитал вслух: «Редактор заявила о бумажном свидетеле архивной тревоги».

Порог внимания перескочил с нуля на семь.

На экране появилось: «Свидетельство сохранено условно до разбора».

Кром выпрямился. Его тело стало плотнее, а на пустом лице проступила тонкая рамка, словно система впервые отвела ему место на странице.

Дверь открылась. Рута увидела Ину у экрана, Марка возле стола и бумажную фигуру между ними. Взгляд скользнул мимо Марка и остановился на Кrome.

— Объяснительная готова? — спросила она.

— Теперь их две.

Рута прочитала дополнение. Чем ниже опускались её глаза, тем спокойнее становилось лицо.

— Вы только что превратили внутреннюю тревогу в пороговый материал.

— Я сохранила свидетеля. Снимите заголовок, пока ожидание не стало порогом.

Кром поднял бумажный палец и указал на Руту. На его груди появилось одно слово: «поздно».

В коридоре сработал принтер. Из лотка выполз лист с планом здания. На плане возникла новая тонкая линия от кабинета Руты к лестнице, которой не было в официальной схеме.

Кром спрыгнул со стола. На полу он снова распался в ленту и потянулся к двери.

— Контроль ждёт, а у вас нет доступа даже к туалету без сопровождающего, — сказала Рута.

Кром добрался до порога и оставил на косяке чёрную отбивку. За стеной что-то щёлкнуло. Схема на распечатке продлила линию вниз, под архив, туда, где по документам находился бетонный фундамент.

Марк встал рядом с Иной.

— Он обещал провести нас, — сказал он, хотя Рута слышала только первую половину тишины.

Ина взяла объяснительную и подписала её ручкой. В строке о втором носителе она зачеркнула предложенное Руткой «отрицаю» и написала: «Носитель проявился как свидетель Кром; сохранение зарегистрировано в карточке тревоги».

Рута прочитала исправление.

— Контроль отстранит вас окончательно.

— Но обещание Крома останется в журнале.

Кром дёрнул бумажный край двери. Тайная линия на плане мигнула, приглашая сделать выбор сейчас, пока чужое внимание не закрепило за ним другую роль.

Ина отдала Руте объяснительную.

— Ведите меня обратно. Пусть они оформят отстранение правильно.

Марк нахмурился.

— А исходник?

— Мы не доберёмся до него, если первое же обещание сохраним только на словах.

Кром замер у порога. Затем отделил от себя узкую полоску и вложил её Ине в ладонь. На ней была напечатана одна строка: «до нулевого выпуска».

Остальная лента втянулась под плинтус.

Рута открыла дверь в коридор. Там уже стояли оба сотрудника контроля. Один держал новый пакет для улики, второй смотрел на распечатанный план, где несуществующая лестница продолжала уходить вниз.

— Что это? — спросил он.

Ина сжала полоску в кулаке.

— Следующее свидетельство, — сказала она.

Глава 4. Отдел поправок

Внутренний контроль отвёл Ине место за её собственным столом и назвал это временной изоляцией.

Терминал работал в гостевом режиме. Всё остальное закрывал серый прямоугольник с её именем и словом «ПРИОСТАНОВЛЕНА». За стеклом отдел поправок выпускал утро, не глядя на Ину дольше секунды.

Марк стоял у шкафа с бумажными словарями. Люди проходили рядом и морщились от сквозняка.

— Удобное наказание, — сказал он. — Посадить тебя в центре отдела и убрать из рабочего дня.

Полоска Крома оставила на ладони Ины зеркальный след: «до нулевого выпуска». Сам Кром исчез под плинтусом.

Женщина из контроля забрала подписанный протокол и пакет с накопителем. Рута осталась.

— Крома нашли? — спросила Ина.

— В реестре нет такого объекта.

— Я спрашивала не реестр.

— Поэтому отвечаю именно им. До разбора я вправе потребовать устранения вреда, возникшего в вашей смене.

На гостевом экране открылся документ. Заголовок был выделен зелёным: «Уточнение к материалу программы “Равный маршрут”». Ниже сообщалось, что житель Ладомира Марк Савин существует, обладает полным набором гражданских доступов, а временная несовместимость карточки вызвана переносом данных между реестрами.

Текст был спокойным и почти правдивым. Именно поэтому Ина сразу увидела ловушку.

— «Полным набором», — прочитала она. — Вы не проверяли ни одного доступа.

— Проверим после возвращения карточки.

— На основании чего система поймёт, кого возвращать? У неё нет действующей связи между именем и человеком.

Рута коснулась строки приложений. Внизу появился снимок Марка с добровольного интервью: прямой взгляд, тёмная куртка, белая стена за спиной. Рядом стояла отметка «идентификация подтверждена редакцией».

— Вот связь.

Марк увидел фотографию и шагнул к столу.

— Это было до интервью, — сказал он. — Они просили тестовый кадр для пропуска.

Ина повторила его слова.

Рута посмотрела не на Марка, а в пустое место у шкафа.

— Источник изображения не меняет лицо.

— Меняет согласие. И дата у снимка раньше материала.

— В уточнении нет слова «согласие». Есть идентификация.

— Чья?

— Ваша.

В строке согласования уже стояла задача: младший редактор Ина Ларина подтверждает соответствие фотографии человеку, обратившемуся с возражением. Не выпуск, не порог, не содержание — обычная сверка лица. Та самая маленькая подпись, которой удобно было закрывать большие решения.

— Я не буду подтверждать, — сказала Ина.

— Тогда к полудню городской индекс окончательно закроет пустую карточку. Он останется без медицины, транспорта и права обратиться в службу восстановления, потому что службу восстановления тоже открывает карточка.

— А если подпишу?

— Индекс увидит человека.

— Каким?

Рута откинулась на спинку стула.

— Существующим. Иногда этого достаточно.

— В прошлый раз вам тоже было достаточно.

— Покажите прогноз слоя.

— У вас нет допуска.

— Тогда нет и подписи.

Рута приложила служебную карточку к столу. Открылось окно моделирования, обрезанное до итоговых показателей.

Ожидаемый порог был низким: уточнения не собирали широкую аудиторию, зато им автоматически доверяли городские системы. Зелёные значки загорались один за другим — транспорт, клиники, жильё, банковская идентификация. На схеме человек возвращался в город за сорок семь минут.

— А полиция? — спросила Ина.

— Доступ восстановится в общем контуре.

— Откройте.

— Это не наш профиль.

— Вы утверждаете полный набор. Откройте.

Рута ввела код руководителя. Список развернулся. Полицейский индекс горел не зелёным, а оранжевым. Напротив него стояло: «совпадение с активным поведенческим описанием — 83%».

Марк наклонился к экрану.

— Что ещё за описание?

Ина нажала строку. Терминал потребовал допуск, но успел показать четыре слова: «субъект, использующий отсутствующие маршруты».

Рута закрыла окно.

— Служебная формулировка. После восстановления личности совпадение снимут.

— Или приклеят к фотографии.

— Вы предполагаете.

— Поэтому нужен полный прогноз.

— Поэтому нужно вернуть человека, а не держать его заложником идеальной процедуры.

Марк обошёл стол и встал за плечом Ины. Его отражение не появилось в чёрной рамке терминала.

— Спроси, откуда описание, — сказал он.

— Откуда полицейский индекс получил поведенческую роль?

— Неважно для поправки.

— Для Марка важно.

Рута впервые посмотрела точно туда, где стоял Марк.

— Если вы здесь, — сказала она пустоте, — у нас меньше часа. Уточнение вернёт вам возможность оспаривать всё остальное самостоятельно.

— У меня её уже отняли самостоятельно, — ответил Марк.

Рута услышала только тишину.

Ина повторять не стала.

На стеклянной двери появилась плашка: до выпуска оставалось двадцать восемь минут. Материал уже стоял в автоматической очереди.

Марк прочитал текст до конца.

— Они обещают вернуть мне квартиру, которой у меня никогда не было.

Ина нашла строку: «зарегистрирован по прежнему месту проживания». Адрес скрывало служебное поле.

— Где ты жил до исчезновения?

— На Южной набережной, дом двенадцать. Снимал комнату у Теи, договор был на неё.

Ина попросила Богдана проверить адрес в приложении. Он подошёл к стеклу, опасливо покосившись на Руту.

— Это не тот адрес, — сказал Богдан после проверки.

— Какой там?

— Складской проезд, восемь. Муниципальное общежитие закрытого типа.

У Марка изменилось лицо.

— Там был пункт интервью. Нас собирали перед поездкой по маршруту.

— Какой статус жильца? — спросила Ина.

Богдан побледнел.

— «Временно размещённый участник программы, склонный к самовольному изменению маршрута». Ина, это полицейская формулировка.

Рута уже шла к ним. Богдан закрыл приложение и отступил.

— К работе, — сказала она ему. Ине добавила: — Вы добились проверки. Ошибка адреса будет снята.

— Не ошибка. Второй Марк уже собран в приложениях. Вы возвращаете не его карточку. Вы создаёте карточку из черновика программы.

— Приложения можно исключить.

— Тогда текст не обещает полный набор доступов.

— Изменим текст.

— А полицейский индекс?

— Подадим последующую поправку.

Марк коротко рассмеялся.

— Потом третьего меня, чтобы исправить второго.

Ина сказала:

— Каждая следующая поправка будет подтверждать, что этот профиль относится к реальному человеку. Вы не стираете слой, вы кормите его совпадениями.

Пороговая шкала набрала первое деление: профессиональное доверие сотрудников считалось человеческим вниманием.

— Снимите с полосы, — сказала Ина.

— Нет.

— Он не согласен.

— Его согласие на исправление технической ошибки не требуется.

— Тогда это не исправление человека. Это обслуживание реестра.

— Решать ему, — сказала она.

— Система не слышит его.

— Я слышу.

Она развернулась к Марку.

— Без моей сверки индекс может закрыть карточку. Если подпишу, опасный профиль получит твоё лицо. Остальных приложений я не вижу.

— Ты хочешь подписать?

— Я хочу, чтобы у тебя была клиника.

— Это не ответ.

— Да. Хочу. И боюсь, что снова назову это помощью.

— Не подписывай лицо, — сказал он. — Подпиши моё возражение.

— Тогда уточнение не пройдёт идентификацию.

— Пусть они сами отвечают за того, кого выпускают.

— Дайте мне форму стороны.

— Нельзя зарегистрировать сторону без карточки.

Ина открыла в карточке тревоги «связанное возражение», оставила поле объекта пустым и включила запись.

— Я, Марк Савин, подтверждаю только, что изображён на снимке. Не разрешаю использовать его для создания или восстановления моей роли. Складской проезд не был моим жильём. Определение об изменении маршрута оспариваю. Не выпускайте исправление от моего имени.

Терминал не уловил голос. Полоса записи осталась ровной.

— Повтори, — сказала Ина.

Она произнесла слова за ним, не меняя ни одного. В конце добавила:

Система приняла файл как комментарий сотрудника. Не как согласие стороны.

Второе деление вспыхнуло белым. За стеклом уже спорили: Марку возвращают права или учреждают опасный профиль. Согласованное ожидание распалось, но внимание выросло.

— Поздно, — сказала Рута. — Если снять сейчас, служебные системы получают только приложения. Основной текст хотя бы обозначит его существующим.

Рута направилась к центральному пульту. Гостевой замок не выпустил Ину; Марк остановился рядом с Рутей, но датчик не признал бы его руку.

На краю центрального экрана появилась тонкая чёрная черта. Кром выбрался из щели между панелями, плоский, как закладка. Он развернул на груди два слова: «не отменяет».

Рута увидела его. На мгновение её палец завис над выпуском.

Начальник смены спросил:

— Что не отменяет?

Вопрос подхватили двое редакторов. Шкала перескочила сразу на четвёртое деление.

— Уберите отбивку из аппаратной, — приказала Рута.

Кром обвил кнопку выпуска. На бумаге проступило: «маршрут изменён после интервью», «не подтверждает добровольность».

Теперь их читали вслух.

Пятое деление.

Рута не стала рвать Крома. Она открыла аварийное меню и убрала из уточнения два приложения: ложный адрес и поведенческое описание. Полицейский индекс остался в списке получателей как часть общего контура.

— Основной выпуск без приложений, — сказала она. — Иначе мы потеряем человека раньше, чем найдём источник.

— Не выпускайте фотографию! — крикнула Ина через стекло.

Рута услышала. Посмотрела на неё. Затем на Марка — почти точно, но всё же чуть левее его лица.

— Без фотографии город получит имя без носителя, — сказала она.

И нажала кнопку.

Текст ушёл в реестры и на полосу поправок. Шестое деление зажглось от уверенности сотрудников, что ошибка исправлена.

Марк согнулся. В тёмных экранах появилось его отражение, но полицейский монитор обвёл то же лицо красной рамкой.

Дверь изоляции открылась сама. Терминал сменил надпись «объект не определён» на «гражданин восстановлен». Ина выбежала в зал.

— Марк?

Он выпрямился.

— Я здесь.

Турникет у выхода впервые показал зелёный свет. Одновременно в глубине здания звывла короткая служебная сирена.

На центральном экране раскрылось уведомление полицейского индекса: «Обнаружен Марк Савин, участник закрытой программы, использующий неучтённые маршруты. Риск уклонения: высокий». Адрес убрали. Определение осталось в модели, куда приложения успели передать его до удаления.

Рядом возникла вторая карточка: «Марк Савин, гражданин с восстановленными правами. Нарушений не зарегистрировано».

Система предложила объединить профили. Кнопка была недоступна: роли имели несовместимые источники.

— Вы говорили, совпадение снимут, — сказала Ина.

Рута не отвела глаз.

— Я ошиблась.

Это было страшнее оправдания.

Из лифта вышли двое сотрудников городской охраны. Они смотрели прямо на Марка. Впервые чужие глаза удерживали его без помощи Ины.

— Марк Савин? — спросил старший.

— Да, — ответил он, и его имя одновременно подтвердило обе карточки.

На экране риск поднялся с высокого до критического.

Охранник потянулся к фиксатору на поясе.

— Просим оставаться на месте до прибытия полиции.

Марк сделал шаг назад. Зелёный турникет погас. Для мирного профиля движение было обычным. Для опасного — попыткой уклонения.

Ина встала между ним и охраной.

— В системе две несовместимые роли. Вы не можете действовать по одной, пока не проверили вторую.

— Отойдите, гражданка Ларина.

Её имя они тоже знали. Служебная тревога раздала роли всем участникам.

Кром скользнул по полу и нырнул под рамку турникета. На стекле проступила чёрная линия, ведущая к боковой двери технического коридора. Та открылась на секунду, хотя по плану за ней была кладовая.

— До нулевого выпуска, — сказал Марк.

Ина поняла: путь к исходнику открыт сейчас. Если Марк останется, полиция закрепит опасную роль действиями — задержанием, протоколом, маршрутом доставки. Если уйдёт, побег подтвердит её ещё быстрее.

Выбора без новой причинности не осталось.

Она повернулась к Руте.

— Зарегистрируйте: он следует к источнику спорной роли по требованию затронутой стороны. Не скрывается. Не уклоняется. Идёт за доказательством.

— Это не остановит индекс.

— Но оставит цепочку.

Рута открыла форму тревоги.

Ина взяла Марка за руку. Камеры увидели пустой захват её пальцев, а полицейский экран — опасного участника, уходящего неизвестным маршрутом.

— Идём, — сказал Марк.

Они шагнули за чёрную черту Крома. Боковая дверь закрылась перед охраной, и на её матовом стекле отпечатались две карточки с одним лицом.

Ни одна больше не могла отменить другую.

Глава 5. Порог внимания

Технический коридор оказался уже двери. Ина протиснулась боком, не отпуская Марка, и только потом поняла, что держит его за руку не ради камер. За матовым стеклом охрана требовала открыть проход, но удары уходили куда-то вверх.

Кром полз по стене тонкой чёрной строкой. Через каждые пять шагов он останавливался у кабельных люков, приподнимал бумажный край и словно прислушивался.

— Они нас видят? — спросил Марк.

На щитке красная рамка тревоги обводила пустой коридор: «траектория субъекта не установлена».

— Они ожидают, что ты бежишь, — сказала Ина. — Этого им пока хватает.

— А тебе?

Она разжала пальцы. На ладони остались белые следы от его костяшек.

— Мне нужно знать, куда мы идём.

Кром вытянулся стрелкой вниз. В конце обнаружилась лестница без номера этажа. Под второй ступенью лежала полоска с таблицей: группы из двух, трёх и пяти человек, коэффициенты расхождения, пометки «ожидают остановку», «ожидают отказ двери», «роль удержана».

Снизу донёсся стук металла и раздражённый голос:

— Если вы опять пришли без контрольной пары, идите обратно. Я не буду измерять чудо линейкой отдела продвижения.

На площадке сидел худой мужчина в сером рабочем халате. Перед ним стояли три одинаковые двери, вмонтированные прямо в бетонную стену. За каждой, судя по плану эвакуации, не было помещения. Мужчина подкручивал винт на приборе, похожем на весы с двумя стеклянными чашами.

Он поднял голову, увидел Ину, затем Марка и выронил отвёртку.

— Вы его видите, — сказала Ина.

— Теперь уже да. Весь верхний контур получил фотографию. — Мужчина подхватил отвёртку. — А раньше видел отклонение. Это разные вещи.

Кром выполз на его стол и сложился табличкой: «Тим Рой. Метрология ожиданий».

— Не представляй меня людям, которых ведёшь через закрытый тракт, — попросил Тим. — Это создаёт впечатление, будто я согласился.

— Мы идём к нулевому выпуску, — сказала Ина. — Охрана считает Марка участником закрытой программы. Нам нужен проход.

— Тогда вам нужен не проход, а причина, по которой он станет проходом.

Ина показала найденную полоску.

— Что это?

Тим забрал её двумя пальцами, как улику, которой нельзя доверять.

— То, что отдел выпуска не любит помещать в презентации. Настоящий порог.

Сверху лязгнул замок. Кром приподнялся и показал: «семь минут».

— Объясняйте на ходу.

— На ходу вы поймёте только то, чего уже ждёте. В этом и беда.

Тим накрыл один из стаканов красной крышкой и попросил Ину выбрать дверь.

— Левую.

— Почему?

— Кром ведёт туда.

Тим посмотрел на Марка.

— А вы?

— Среднюю. У левой стёрта краска у ручки. Ею слишком часто пользовались на испытаниях.

— Хорошо. Я ожидаю, что откроется правая. Нас трое, три версии. Никакого результата.

За левой дверью оказался бетон. Средняя не сдвинулась. Правая открылась на тёмный проход внутри стены.

— Вы заранее настроили опыт.

— Прибор удерживал две контрольные подписи техников. Их ожидание совпало с моим. Но дело не в счёте.

Тим снял красную крышку. Под ней лежали две служебные карточки. Стекло чаша под ними медленно опускалась.

— Просмотры ничего не создают. Тысячи людей без определённого ожидания дают шум. Роль удерживают реальные люди, если распознали одно следствие и считают, что остальные распознали его так же.

— Согласованное ожидание, — сказала Ина.

— Взаимно предполагаемое. Можно заставить пять тысяч читателей думать разное и не получить ничего. Можно посадить трёх диспетчеров за одну инструкцию, убедить каждого, что двое других поняли её одинаково, — и дверь начнёт отказывать тому, кого инструкция назвала посторонним.

Марк подошёл к правой двери. За ней тянулся освещённый коридор.

— Значит, меня стёрли не читатели.

— Читатели распространили роль. Запустила её малая группа: редактор, представитель программы и тот, кого система сочла стороной. Тройной порог.

Ина почувствовала под языком привкус металла.

— Моя стажёрская сверка.

— Одна из опор. Не вся конструкция.

— Вы измеряли тот выпуск?

Тим сложил карточки в карман.

— Я измеряю приборы, а не решения.

— Это ответ для проверки или для меня?

— Для человека, за которым сейчас идёт охрана.

Марк не повысил голоса:

— Тогда ответьте ему.

Тим посмотрел на красную рамку тревоги. Она уже появилась на его настольном экране. В ней пустой коридор изгибался по невозможной траектории.

— Я подтвердил устойчивость порога «Равного маршрута». Мне дали обезличенные роли. Первичные ожидания закрыли. Я подписал пригодность без исходных данных.

— Потому что прибор работал? — спросила Ина.

— Потому что городские службы уже зависели от таких приборов. Если бы я остановил все контуры с неполными журналами, утром половина дверей, маршрутов и дежурных инструкций перестала бы совпадать. Я выбрал измеряемую ложь вместо неизмеряемого обвала.

Сверху загрохотали шаги.

Кром метнулся к правой двери, но Тим захлопнул её.

— Контрольные техники возвращаются через четыре минуты. Тогда проход снова станет стеной. Ваше ожидание с ними не совпадает.

— Проведите нас.

— Я потеряю лабораторию.

— Марк уже потерял город.

— Поэтому вы решили, что остаток можно распределить между всеми, кто встретился по дороге?

Ина пришла требовать от Тима рискнуть должностью, даже не спросив, что держится на его работе.

Система автоматически приняла вызов исполнительного редактора. На стене появилось усталое лицо Льва Кармина, знакомое Ине по еженедельным обращениям.

— Тим, оставьте нас, — сказал Кармин.

— Это моя лаборатория.

— Именно поэтому сохраните её. Две минуты.

Тим снял халат, аккуратно повесил его на спинку стула и отошёл к лестнице. Уходить дальше он не стал.

Кармин перевёл взгляд на Ину.

— Вы нашли ошибку и побочный профиль. Хорошая работа, если не считать побега.

Марк встал рядом с Иной. Кармин смотрел только на неё, хотя полицейская карточка должна была показывать обоих.

— Назовите его, — сказала она.

— Марк Савин. Гражданин с восстановленными правами и спорным программным статусом. Мы уже готовим приостановку полицейского действия.

— Приостановка не отменит роль.

— Вы усвоили первый урок быстрее многих руководителей. Поэтому предложение будет коротким. Возвращаетесь наверх, подписываете объяснение о неверной интерпретации приложения и получаете место старшего редактора специальной группы поправок. С отдельным допуском к программным выпускам.

Ина невольно посмотрела на Тима. Тот стоял спиной, но слушал.

— Повышение за побег?

— Побег назовём сопровождением затронутой стороны. Вы предусмотрительно оставили эту формулировку в журнале.

— А что я должна не увидеть?

— Не выпускать вывод до проверки. Молчание иногда форма точности.

Кармин открыл перед ней проект приказа. Постоянный контракт, служебная квартира, право подписи под отзывами ролей. И доступ: нулевая полоса, первичные метрики, журнал согласований. Всё, что ей требовалось для расследования, лежало внутри предложения.

— Марка допустят как сторону?

— После разделения карточек.

— Кто решит, какая настоящая?

— Комиссия.

— Из тех, кто ожидает, что программа полезна.

— Из тех, кто отвечает за последствия её остановки.

На столе Тима дрогнули чаши. Кармин заметил движение.

— Вы уже показали ей установку?

Тим обернулся.

— Показал, что число просмотров не является порогом.

— Это не секрет.

— Тогда почему в отчётах указан охват?

— Потому что городу не нужен учебник по созданию обязательных ожиданий.

Опубликованная схема позволила бы любой группе собирать пороги у больниц, мостов и диспетчерских. Но тайна делала ВОЛАНД единственным учреждением, способным назначать реальность и проверять себя.

— Вы хотите, чтобы я молчала ради безопасности, — сказала она.

— Я хочу, чтобы вы получили доступ и исправляли конкретный вред. Сегодня — Савин. Завтра — остальные роли программы. Без эффектного разоблачения, после которого город останется с тысячей несовместимых инструкций.

— Почему вы выбрали меня?

— Потому что Рута выбрала вас семь месяцев назад. Она сказала, что вы спорите со строкой даже тогда, когда спор уже дороже ошибки.

— Моя подпись помогла стереть человека.

— Ваша подпись удержала контур. Система приняла код стороны неверно. Это дефект процедуры, а не ваш умысел.

Марк тихо сказал:

— Он предлагает тебе невиновность вместе с должностью.

Кармин не слышал, но по лицу Ины понял достаточно.

— Я предлагаю ей ответственность, ограниченную тем, что она могла знать.

— А ему? — спросила Ина.

— Возможность вернуться.

— Куда?

Кармин задержал ответ на одну секунду.

— В город, который существует сейчас.

Кром взобрался на проект приказа. Бумага его тела стала почти прозрачной. Поперёк оклада проступили слова: «допуск действует при соблюдении режима неразглашения». Ниже: «нарушение прекращает полномочия по отзыву».

Ина могла подписать, увидеть журналы и найти первичное интервью. Но публичная проверка комиссии лишила бы её инструмента. Кармин предлагал владеть границами расследования.

Сверху охрана начала отсчёт перед вскрытием двери.

— Если я откажусь, вы заблокируете нулевую полосу?

— Она уже заблокирована для вас.

— А если соглашусь?

— Подниметесь со мной. Через час получите допуск и начнёте с дела Савина.

Марк провёл пальцем по неподвижной ручке правой двери.

— Решай не за меня, — сказал он. — Решай, кем станешь ты.

Ина перечитала приказ. В графе должности стояло её имя, и город уже примерял к нему будущие двери. Старший редактор вошёл бы в архив. Нарушительница — нет. Но нулевой выпуск был не помещением. Это был момент до того, как три человека договорились считать роль настоящей.

— Тим, — сказала она, — сколько людей сейчас уверены, что правая дверь ведёт к архиву?

— Я и двое техников. Они вернутся через минуту.

— Кармин тоже это знает.

— Знать устройство не значит ожидать конкретное следствие.

Ина повернула экран приказа так, чтобы его видел Тим.

— Лев Кармин, вы подтверждаете, что специальный допуск открывает путь к нулевой полосе?

— После оформления.

— Тим, вы подтверждаете, что приказ создаст мне этот доступ?

Тим посмотрел на правую дверь, потом на чаши.

— Да.

— Я тоже этого ожидаю.

Она приложила палец не к строке согласия, а к кнопке «ознакомлена». Приказ получил третье подтверждение, но не подпись сотрудника. На чаше прибора вспыхнула тонкая белая риска.

Правая дверь распахнулась.

За ней больше не было испытательного коридора. Вниз уходила лестница, на каждой ступени которой печатались даты ранних выпусков.

Кармин впервые повысил голос:

— Не входите. Ознакомление не даёт полномочий!

— Но вы трое ожидали, что допуск открывает путь. Система не различила должность и её обещание.

— Вы создаёте ещё одну ошибку.

— Нет. Я оставляю её измеримой.

Ина переслала проект приказа в карточку тревоги вместе с записью опыта Тима. Не в публичную ленту — в служебную цепочку, где Кармин не мог удалить документ без нового следа. Затем отклонила повышение.

Её временный допуск вспыхнул и сразу начал обратный отсчёт: роль старшего редактора существовала как согласованное ожидание, но официальный отказ уже создавал конкурирующий слой.

— Семь минут, — сказал Тим, глядя на прибор. — Потом отказ перевесит.

Ина шагнула на первую ступень.

— Вы идёте с нами?

Тим снял со стола две карточки техников и бросил их в красный стакан. Правая чаша поднялась, однако дверь осталась открытой.

— Теперь да. Я должен зафиксировать, почему измерение сработало без согласия на должность.

Марк пропустил его вперёд. Кром лёг вдоль перил чёрной направляющей.

На экране Кармин уже вызывал аварийное закрытие, но каждый приказ добавлялся к цепочке и подтверждал, что за дверью есть нечто, требующее закрытия.

— Ина, — сказал он тише, — когда вы откроете эту систему всем, первый же человек использует её хуже нас.

Она задержалась на пороге.

— Поэтому я пока открыла не систему. Только вашу попытку купить право проверять её в одиночку.

Дверь начала сжиматься, превращаясь обратно в нарисованный прямоугольник. Ина, Марк и Тим успели пройти. Кром втянул последнюю бумажную полоску за мгновение до того, как бетон сомкнулся.

Наверху охрана ворвалась в лабораторию. Внизу зажёгся ряд тусклых ламп. На стене появилась надпись: «НУЛЕВАЯ ПОЛОСА. ДОПУСК: СТАРШИЙ РЕДАКТОР ИНА ЛАРИНА». Под ней уже проступало второе сообщение: «НАЗНАЧЕНИЕ ОТКЛОНЕНО».

Семь минут расследование признавало её своей.

Глава 6. Нулевая полоса

На верхней ступени горело «семь минут». На следующей — уже «шесть пятьдесят восемь».

Лестница считала не время, а право Ины здесь находиться. Под подошвами вспыхивали даты ранних выпусков. Тим спускался первым, Марк держался за Иной, Кром скользил по перилам.

— Почему лестница не исчезла? — спросил Марк.

— Наверху всё ещё ждут, что мы ею воспользовались, — ответил Тим. — Закрывание подтверждает помещение.

Внизу стоял матовый турникет без считывателя. На стекле проступило имя Ины, под ним два взаимоисключающих решения: «допустить старшего редактора» и «задержать нарушителя». Створки дёргались между приказами, оставляя щель шириной с ладонь.

— Техники ожидают, что старший редактор проходит с сопровождением, — сказал Тим. — По одному.

Он провёл карточкой, и щель расширилась. Ина протиснулась первой. Марк шагнул следом, но стекло сомкнулось перед его грудью. На нём возникла полицейская карточка: «участник программы, склонный к изменению маршрута».

— Система считает, что сопровождение требуется вам, а не вам требуется сопровождающий, — сказал Тим.

До конца допуска оставалось шесть минут двадцать секунд.

Ина могла подтвердить роль Марка участником и провести его внутрь. Так человек вошёл в полезную формулировку, а потом не мог из неё выйти.

— Марк Савин сопровождает моё служебное возражение как затронутая сторона, — произнесла она. — Его программный статус оспаривается и не используется для прохода.

На стекле появилась третья строка. Тим нахмурился.

— Одного ожидания мало.

— Я ожидаю, что он имеет право видеть материал о себе, — сказал Тим после короткой паузы.

Стекло ждало третьего.

Марк посмотрел на собственную карточку.

— Я ожидаю не допуска, — сказал он. — Я ожидаю, что мой отказ не лишает меня права знать, чему я отказал.

Створки разошлись. Марка стекло по-прежнему не признавало даже тогда, когда подчинилось его словам.

За турникетом начинался длинный зал с рядами узких столов. Над каждым висела полоса бумаги между валиками. Редакторские знаки постепенно превращались в схемы улиц, больничные браслеты и траектории транспорта.

На стене светилась надпись: «Материал не выпускать. Последствия считать обратимыми».

— Они знали, — сказал Марк.

— Это стандарт испытательного контура, — возразил Тим, но голос у него стал тише. — Пока нет выпуска, ожидание ограничено группой.

Ина подошла к ближайшему столу. «Бережливой хозяйке» сначала предлагали скидки, потом кассы отказывали ей в дорогих товарах, а жилищная служба снижала температуру в квартире. «Незаметный пассажир» проходил без очереди, а после не мог вызвать скорую: диспетчерская не удерживала его адрес.

Не ошибки после публикаций. Последовательные версии, каждая с измеренной ценой.

— Здесь сорок столов, — сказала Ина.

— Здесь сорок видимых, — ответил Тим.

Панель показывала карту зала: зелёный — полезный перенос, жёлтый — побочный, чёрный — утрата распознавания. Чёрных точек было одиннадцать.

— В сводке чёрный назывался «нулевой отклик», — сказал Тим. — Я думал, контур не срабатывал.

— Он срабатывал так, что человек переставал быть откликом.

Тим не ответил. Он снял с пояса измеритель и приложил его к панели. Стекло чаш на приборе качнулись в разные стороны.

Пять минут двенадцать секунд.

Кром соскользнул с перил, пересёк зал и прижался к чёрной точке на дальней стене. Бумага его тела зашуршала, будто её тянуло сквозняком. Из стены медленно выдвинулся ящик.

Внутри лежали не дела, а голосовые полосы: узкие катушки с отпечатанной звуковой дорожкой. На торцах — номера без имён.

Марк остановился в двух шагах.

— Добровольные интервью, — сказал он.

Ина обернулась.

— Ты уже видел такие?

— В павильоне исследования маршрутов. Перед тем как меня взяли в программу. Нам обещали, что запись используют для настройки доступности города.

— Ты говорил, что отказался.

— Отказался от публикации истории. Интервью было раньше.

Кром вытянул угол и указал на маркировку ящика: «ИСХОДНЫЕ ОЖИДАНИЯ. СТОРОНА».

— Код РМ-17 мог быть номером интервью, — сказала Ина.

Марк провёл пальцем вдоль катушек. Ячейка РМ-17 пустовала, но на сером сукне остался круглый след.

— Семнадцать, — сказал он. — Мой номер был семнадцать.

— Ты уверен?

— Его повторили перед записью и заставили написать на согласии. Я ещё пошутил, что человек с номером не очень подходит для разговора о доступности.

Ина открыла карточку: «РМ-17: добровольное интервью принято как первичное участие стороны». Согласие на исследование — да; на публичный материал — нет.

Последний флажок был перечёркнут строкой: «Отказ подтверждает распознавание предлагаемой роли».

— Они превратили твой отказ в доказательство, что ты понял роль, — сказала Ина.

— Не они. — Марк указал на подпись правила. — Ты.

Внизу строки стояло: «Сверка условия: И. Ларина».

Ина вспомнила стажёрский экран и просьбу проверить совпадение кодов. РМ-17 в таблице интервью и РМ-17 в карточке материала. Она поставила подпись, не открыв правило, которое делало отказ участием.

— Я сверяла код, — сказала она. — Не основание согласия.

— Для тебя это разные строки. Для меня одна жизнь.

Правило внесли за день до её сверки, скрыв автора служебным ключом. Обоснование: «Исключить возможность участника сорвать испытание постфактум».

— Интервью нельзя использовать вместо согласия, — сказала она.

— Уже использовали. Сначала прослушаем.

Катушки РМ-17 не было в ящике.

Кром распластался по пустой ячейке. На его спине выступили буквы: «В МАТЕРИАЛЕ».

Четыре минуты три секунды.

Тим листал схему архива.

— Нулевая полоса хранит не копии. Здесь компоненты до сборки. Если катушку забрали, её могли вмонтировать в выпуск как удерживающий голос.

— Мой голос держит роль, которая меня стирает? — спросил Марк.

— Не голос. Ожидание слушателя, что вы сами описали следствие.

— Я описывал, как город должен видеть людей с ограничениями маршрута. Я не просил сделать меня примером.

Ина нашла на панели историю перемещения. Катушка РМ-17 ушла не в архив выпуска «Человек, которого город не замечает», а в серию из девяти опытов. У каждого было другое название и другой житель. «Самостоятельная пациентка». «Удобный должник». «Тихий свидетель». «Человек без карточки» стоял последним.

Линии сходились к одному документу: «Матрица добровольного участия, версия 4».

— Его интервью стало шаблоном согласия для всех остальных, — сказала Ина.

На карте одиннадцать чёрных точек мигнули одновременно.

Марк прочитал названия опытов.

— Они живы?

— Мы не знаем, — сказала Ина.

— В сводках числилось одиннадцать нулевых откликов, — проговорил Тим. — Если каждый означает человека, которого перестали распознавать учреждения...

— Тогда ты измерил одиннадцать исчезновений как отсутствие эффекта.

Из динамика под потолком раздался голос Кармина:

— Осталось три минуты. Нулевая полоса будет приведена к безопасному состоянию. Покиньте архив.

— Безопасному для кого? — спросил Марк.

Динамик не ответил.

Испытательные полосы втягивались в щели. Ина схватила карточку РМ-17, но её удерживал зажим.

— Архив уходит в очистку, — сказал Тим. — Если сорвёте оригинал, контур зарегистрирует изъятие.

— Экспорт уже лишил меня допуска.

— Здесь ставка не ваш допуск. Эти исходники связаны с действующими ролями. Известно, что произойдёт с людьми, если убрать опору.

Ина отпустила карточку. Нельзя было спасти доказательство ценой одиннадцати жизней. Она приложила к служебной цепочке ссылку на матрицу. Система отказала: «Документ допечатного контура не существует вне нулевой полосы».

— Нам нужен свидетель, — сказала она.

Кром поднялся над ящиком, но Ина покачала головой: его уже назвали украденным заголовком и объявили бы дефектом. Тогда он указал на Марка.

— Марк видел карточку, — сказал Тим.

— Город не признаёт его свидетельство.

— Зато признаёт моё измерение.

Тим снова включил прибор и положил одну чашу на панель, вторую — на карточку РМ-17. На экране возник запрос: «Цель калибровки?»

Он набрал: «Установить связь между добровольным интервью и серией нулевых откликов».

— Если подтвердите, ваша прежняя подпись о пригодности станет заведомо неполной, — сказала Ина.

— Она уже неполная. Я только перестану притворяться, что не знаю чем.

Для калибровки требовались три наблюдателя. Тим подтвердил первым. Ина — второй. Третья строка предназначалась стороне испытания.

Марк приложил ладонь. Панель не увидела её.

Две минуты одиннадцать секунд.

— Используй карточку участника, — сказал Тим. — Она даст системе распознать вас.

— И закрепит роль, — сказала Ина.

— На время измерения.

— Временные роли здесь переживают людей.

Марк смотрел, как его интервью исчезает за заслонкой. Потом достал полицейскую карточку, которую Рута вернула ему вместе с гражданской. На пластике всё ещё горело: «склонен к самовольному изменению маршрута».

— Я не подтверждаю участника программы, — сказал он. — Но могу подтвердить человека, который изменяет назначенный маршрут.

Он провёл карточкой и дописал: «Оспорить использование интервью РМ-17 как согласия». Система приняла подпись. Все полосы остановились.

Прибор Тима звякнул. На одной чаше появилось «РМ-17», на другой — одиннадцать номеров. Между ними протянулась тонкая чёрная линия.

— Связь подтверждена, — сказал Тим.

Ина отправила результат в служебную цепочку. Измерение вышло как новый факт трёх взаимно осведомлённых свидетелей.

Кармин ответил сразу: «Калибровка выполнена с участием лица спорного статуса. Результат временно изолирован».

Под сообщением появились имена получателей. Не только внутренний контроль и Рута. Одиннадцать городских служб, чьи системы обслуживали нулевые отклики, автоматически получили уведомление об изменении опоры.

— Что значит «изменение опоры»? — спросила Ина.

Тим уже смотрел на карту. Чёрные точки загорались серым, будто кто-то пытался вспомнить их цвет.

— Службы увидели связь с человеком и спорным согласием. Если все ожидают, что одиннадцать ролей держатся на РМ-17, они начинают держаться на нём сильнее.

Марк отступил от панели. По залу прошёл шелест. На каждой испытательной полосе вместо номера проступило его имя.

«Марк Савин — основание участия».

«Марк Савин — свидетель отказа».

«Марк Савин — причина пересмотра».

Разные формулировки спорили, но все делали его центром.

— Я хотел увидеть своё интервью, — сказал Марк. — Не стать согласием за одиннадцать человек.

Одна минута девять секунд.

— Уходим, — сказала Ина.

Турникет на выходе уже показывал новое условие: «Сопровождение системообразующего участника обязательно». Теперь он признавал Марка — и не собирался выпускать без охраны.

Кром перечеркнул на стекле слово «системообразующего». Створки дрогнули. Тим удерживал бумажную отбивку в пазу, пока Ина и Марк протискивались наружу.

— Тим!

— Идите. Прибор должен покинуть архив последним, иначе измерение объявят сбоем переноса.

Он просунул измеритель между створками. Ина схватила прибор, Марк — Тима за запястье. Стекло сомкнулось на рукаве. На теле Крома проступило: «СОПРОВОЖДЕНИЕ ЗАВЕРШЕНО».

Турникет поверил фразе на долю секунды. Этого хватило, чтобы выдернуть Тима.

Они побежали вверх. Лестница стала плоской лентой к бетонной стене. Ина ударилась ладонями в закрытую дверь.

— Кармин ожидает, что мы выйдем, — выдохнула она. — Иначе ему некого задерживать.

Тим понял и громко сказал:

— Охрана наверху приготовилась принять четверых и прибор.

— Троих, прибор и свидетеля, — поправил Марк, указывая на Крома.

Бетон раскрывся.

Они вывалились в лабораторию за секунду до того, как лестница исчезла. Охранники действительно стояли полукругом, но никто не сделал шага. Их экраны один за другим обновлялись. Полицейская карточка Марка сменилась служебной:

«МАРК САВИН. СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ УЧАСТНИК СЕРИИ. ИЗОЛЯЦИЯ МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ ОДИННАДЦАТЬ ГОРОДСКИХ КОНТУРОВ».

Кармин появился на настенном экране. Он не выглядел победителем.

— Вы хотели, чтобы город снова увидел Марка, — сказал он Ине. — Теперь город не имеет права отвести от него взгляд.

Марк прочитал карточку до конца.

— Не выпускай меня жертвой, — сказал он. — И героем тоже не смей.

За стеной нулевая полоса закрылась, но прибор Тима продолжал печатать одиннадцать номеров, связанных с РМ-17. Каждый новый отпечаток делал найденную связь труднее скрыть — и Марка труднее освободить от неё.

Глава 7. Право на героя

Охранники расступились перед предупреждением на экранах.

Турникет открыл створки заранее. Лифт отменил чужой вызов и прислал пустую кабину. На панели горела одна команда: «Доставить системообразующего участника в защищённую зону». Здание признавало Марка только вместе с угрозой для одиннадцати незнакомых людей.

— Я могу подняться по лестнице, — сказал он.

— Лестница переведена в режим недоступности, — ответил охранник, не глядя ему в лицо. — Во избежание изменения контуров.

Марк усмехнулся.

— Поздравляю. Я существую как причина закрытой лестницы.

Из измерителя Тима выползла лента с одиннадцатью номерами; напротив РМ-17 рос коэффициент связи. Кром двигался по стене следом, почти прозрачный под ярким светом.

Ина хотела сказать, что не позволит запереть его, но решение за Марка снова начиналось бы с неё.

Двери лифта раскрылись в отделе поправок.

Рута ждала у центрального стола. За её спиной на всех экранах был открыт пустой макет срочного выпуска. Заголовочное поле мигало красным. В правом верхнем углу шёл обратный отсчёт до утреннего порога: два часа сорок одна минута.

— Двери закрыть. Тим, прибор к изолированному порту. Ина, за мой экран, — распорядилась Рута.

Рута впервые посмотрела прямо ему в глаза.

— Через два часа городские службы начнут утреннюю синхронизацию, — произнесла она. — Одиннадцать контуров запросят решение по вашей изоляции. Если ответа не будет, каждая система выберет безопасную трактовку самостоятельно.

Тим подключил измеритель. Одиннадцать серых точек окружили имя Марка. Три дрожали между серым и чёрным.

Среди служб значились клиника Южного кольца, транспортные узлы, адресный учёт, суд, диспетчерские, центр занятости и школьный реестр. Кто привязан к какому контуру, нулевая полоса не раскрыла.

Рута коснулась пустого заголовка. На экране появились слова: «ОДИННАДЦАТЬ ЖИЗНЕЙ ЦЕНОЙ ОДНОЙ ОШИБКИ».

— Нет, — сказал Марк.

— Это черновик.

— Тогда удалите его, пока он не решил, что уже новость.

Рута стёрла строку и ввела другую: «НЕВИНОВНЫЙ УЧАСТНИК СЕКРЕТНОЙ ПРОГРАММЫ ТРЕБУЕТ ЗАЩИТЫ».

Под заголовком развернулся каркас материала: биография Марка, признание ошибки, объяснение связи с испытаниями, призыв приостановить опасные действия. В поле изображения стоял портрет из гражданской карточки — тот самый, который уже породил опасного двойника.

— Материал достигнет порога за двадцать минут, — сказала Рута. — Редакция признаёт Марка невиновной жертвой. Его изоляция станет общественно недопустимой.

— А что сделают вместо этого? — спросил Марк.

— Предоставят вам защищённый статус и доступ к пересмотру.

— Читайте не должность, а последствия.

Ина открыла вкладку прогноза. Рута попыталась закрыть её ладонью, но было поздно. Под зелёными строками о восстановленных доступах шли жёлтые: обязательное сопровожде-

ние, запрет на выезд из Ладомира, согласование публичных высказываний. Ниже находилась красная строка: «Самостоятельный отказ от защиты может быть истолкован как действие против интересов связанных лиц».

— Вы предлагаете клетку, которую будут охранять одиннадцатью жизнями, — сказала Ина.

— Я предлагаю остановить распад до того, как мы поймём механизм.

— Моим лицом и биографией. Моей невиновностью, которую вы будете выдавать мне порциями.

— Вы невиновны в использовании интервью.

— Да. Это факт о вашем действии. Жертва — роль обо мне.

Рута обернулась к Ине.

— У нас нет времени для семантической роскоши. Выпуск подпишу я. Тим подтвердит измеримость. Тебе достаточно собрать цепочку и поставить редакторскую сверку.

— А подпись стороны?

— Защитный выпуск допускает представительство, — сказала Рута.

— Я могу дать согласие сам. Созданная вами зависимость не даёт вам мой голос, — ответил Марк.

Одна точка почернела: «НО-04. Адрес не подтверждён». Через секунду она снова посерела.

Рута увеличила прогноз.

— Вот цена дискуссии. У нас есть окно до синхронизации. Ина, садись.

Ина не села. Она попросила Тима вывести первичные параметры точки НО-04. Прибор показал только три признака: адресный контур, отказ от роли, зависимость от матрицы РМ-17.

— Если мы назовём Марка жертвой, связь усилится? — спросила она.

Тим помедлил.

— Общее ожидание получит понятную причинность. Один пострадавший стал основанием остальных.

— Усилится или нет?

— Сначала стабилизируется. Потом, вероятно, усилится.

— Насколько?

— Я не могу измерить до выпуска.

— Зато можешь подписать пригодность?

Тим отвёл взгляд. Рута ударила пальцами по столу.

— Не повторяй нулевую полосу. Мы уже знаем, чем кончается бездействие из страха перед неполным знанием.

— Нулевая полоса началась не с бездействия. Она началась с того, что удобную подпись сочли достаточной.

Даже Кром перестал шелестеть.

Рута заменила заголовок: «МАРК САВИН НЕ ДАВАЛ СОГЛАСИЯ НА ИСПЫТАНИЯ». Но следующая строка снова присвоила смысл: «Он стал невольным защитником одиннадцати стёртых горожан».

— Не защитником, — сказал Марк.

— Вы связаны с ними независимо от желания.

— Связан — да. Не назначен говорить за них.

— Пока мы ищем формулировку, НО-04 теряет адрес.

— Тогда напишите про НО-04.

— Мы не знаем имени.

— Поэтому используете моё.

Материал собирался привычкой редакции: требовались лицо, понятная вина и человек, чьё страдание можно превратить в действие. Одиннадцать неизвестных не помещались в заголовок. Марк помещался — его можно было показать, защитить и запереть.

— Я отказываюсь от этого выпуска. Зафиксируйте дословно.

Ина открыла карточку возражений, но Рута заблокировала поле служебным ключом.

— Приказ выпускающего: собрать материал до порога. Возражение приложим после стабилизации.

— После порога оно станет конкурирующей версией.

— Именно поэтому сейчас решение принимаю я.

Красная рамка окружила рабочий экран Ины. Система выдала задание: «Подготовить защитный профиль Марка Савина. Срок — двадцать семь минут». Отказ означал нарушение прямого приказа в период инфраструктурной угрозы.

Ина села. Марк молча смотрел, как она открывает те же документы, из которых его уже однажды сложили в удобного участника.

Ина выделила фотографию и нажала «удалить из макета».

— Что ты делаешь? — спросила Рута.

— Исполняю приказ: собираю материал о причине угрозы.

Она удалила биографию. Затем стёрла имя Марка из заголовка и вынесла в первую строку номер матрицы: «РМ-17 ИСПОЛЬЗОВАЛИ КАК СОГЛАСИЕ ДЛЯ СЕРИИ ИСПЫТАНИЙ».

Прогноз внимания рухнул с двадцати минут до шести часов.

— Это не достигнет порога, — сказала Рута.

— Значит, не назначит ему роль.

— И не остановит изоляцию.

— Марк запретил выпуск о себе. Я принимаю запрет.

Её лучший способ спасти Марка принадлежал не ей.

Рута заблокировала клавиатуру.

— Отойди от стола.

Ина вынула из служебной цепочки свою стажёрскую сверку и прикрепила её к материалу как предмет расследования. Поле подписи сразу изменилось. Теперь Рута должна была подтвердить выпуск текста, где её подчинённая прямо оспаривала законность редакционного основания.

— Ты не оставляешь мне выбора, — сказала Рута.

— Выбор остаётся. Просто он будет виден.

— А если через час НО-04 перестанет существовать для скорой помощи, ты покажешь ему видимую цепочку?

Марк подошёл к столу.

— Не прикрывайтесь им, чтобы отнять решение у меня. Но и не делайте вид, что мой запрет решает его судьбу. Что можно выпустить без моего портрета и роли?

Тим вывел параметры взаимного ожидания. Для порога требовалась не история героя, а одинаковое представление о действии служб. Если материал заставит получателей ожидать временного запрета на изменение одиннадцати контуров, системы могут удержать состояние без объяснения, кого именно они спасают.

— Сухой протокол, — сказала Ина. — Не изолировать РМ-17, не менять статусы НО-01—НО-11, сохранять журналы, вручную подтверждать адреса и медицинский доступ. Без судьбы одного героя.

— Приказ без публичного основания не соберёт внимание, — возразила Рута.

— Тогда служебная правка. Операторы, контроль и службы уже знают об изменении опоры. Им достаточно ожидать одинаковую процедуру.

— И подпись стороны? — спросил Тим.

Марк покачал головой.

— Я подпишу только действия, касающиеся меня: не изолировать, не использовать интервью, не считать отказ угрозой остальным. За НО-01—НО-11 должны подписать их представители.

— Мы не знаем их имён, — сказала Рута.

Кром лёг на сенсорный стол. На его теле проступили одиннадцать номеров и слово «ЗАТРОНУТЫ».

— Он подтвердит существование отдельных сторон, но не согласие от их имени, — сказал Тим.

— Этого достаточно, чтобы запретить необратимые изменения до установления личности, — сказала Ина.

Рута посмотрела на таймер: два часа девять минут. Потом на чёрную точку НО-04.

— Пятнадцать минут, — решила она. — Если служебная правка не удержит контуры, возвращаемся к защитному выпуску.

— Нет, — сказал Марк.

— Это не переговоры.

— Тогда мою подпись вы не получите ни через пятнадцать минут, ни через два часа.

Рута велела охране отвести его в переговорную. Ина встала между Марком и ближайшим сотрудником.

— Он не изолирован, — сказала она. — Это первое действие протокола.

На её экране всплыло уведомление о нарушении приказа. Доступ к выпускному контуру будет прекращён через десять минут. Рута могла отменить блокировку, но не стала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.